

*Маме,
которая мечтала увидеть мои книги
опубликованными.
Прости, что на это ушло так много времени.*

**Я страстно желаю вещей, которые
меня в конце концов погубят.**

*Сильвия Плат,
«Полный дневник»*

Эти стены знают, что произошло. Они расскажут. Каждая вещь в доме станет уликой. Говорят, правда делает человека свободным.

Как бы не так.

Все начинается со вспыхивания синего света, который беззвучно пульсирует за стеклами окон. Потом внешний мир вторгается в дом топотом и стуком. Холод врывается в распахнутую дверь и устремляется вверх по лестнице второго этажа. Дом вздрагивает и просыпается.

Голоса заполняют пространство комнат, прогоняя тишину. В нарастающем шуме все отчетливее звучат слова: «жертва», «не реагирует», «Господи Иисусе». Их произносит полицейский с усами как у Берта Рейнольдса¹. На его груди блестит значок помощника шерифа с именем черными буквами — Д. Х. Уилкоккс. Буква «о» процарапана и похожа на второе «с». Уилккс. Уилл-кыс-кыс. В его глазах стоит вопрос — он очень хочет поскорей разобраться, что здесь произошло. От него пахнет кофе, да и на усах поблескивает кофейная пенка, между потрескавшимися губами видны желтоватые зубы, которым не помешало бы отбеливание. Взя-

¹ Рейнольдс, Берт — американский актер, исполнитель главной роли в комедии «Полицейский и бандит». (Здесь и далее — прим. переводчика.)

шись рукой за подбородок, Уилкокс разглядывает открывшуюся ему картину, которую, несомненно, редко встретишь в этих спокойных краях. Автомобильная авария, несчастный случай на лесопилке — вот, наверное, и все, с чем ему до сих пор приходилось сталкиваться. Но такое... Подобное могут делать друг с другом дикие звери, да и то где-нибудь в мрачной чащобе, а не в комнатах современного особняка. То, что здесь произошло, испятнало ковер и стены кровью, насытило воздух тошнотворными запахами. На мгновение Уилкокс даже закрывает глаза, но увиденное не отпускает его, вставая с обратной стороны опущенных век словно на экране, следуя за ним, даже когда он спускается на первый этаж. Но и там обстановка напоминает декорации из «Ужасов по дешевке»¹.

На третьей снизу ступеньке валяется брелок в виде сердца. Серебряная цепочка порвана. Это подарок девушке, которой больше нет. Один из коллег Уилкокса поднимает брелок и опускает в прозрачный пластиковый пакетик, где он превращается в улику, в еще один ключ к мрачным событиям, которые развернулись здесь несколько часов назад. Запечатанный пакет отправляется к другим, побольше, которые до упора набиты обрывками одежды. Еще в одном пакете лежат осколки белой фаянсовой кружки.

На первом этаже работают сразу несколько полицейских. Здесь еще больше вопросительных взглядов, взволнованных восклицаний, больше хаоса и суеты. Сверкает фотовспышка, шипят полицейские рации, щелкают натягиваемые перчатки. Воняет здесь еще сильнее, и шериф Уилкокс старается дышать через рот. Густой запах смерти и физиологических жидкостей неподвижно висит в воздухе. Стены и дверные косяки покрыты брызгами крови, кровь размазана и по разделочному столу в кухне; ее капли и потеки на дереве и штукатурке

¹ «Ужасы по дешевке», или «Бульварные ужасы» — американско-британский телесериал в жанре хоррор-триллера.

похожи на шифр, который ему предстоит разгадать. В гостиной, словно раненое животное, валяется на боку инвалидное кресло на колесах, а в камине дотлевают остатки женской сумочки.

Каждая деталь, каждая вещь здесь рассказывают свою историю.

Повернувшись к разгромам спиной, шериф Уилкоккс медленно бредет к распахнутой, как рот, входной двери.

Холодный воздух снаружи обжигает кожу. Солнце окрашивает горизонт в оранжевый и бледно-желтый цвета — наступает новый день. Облака разошлись еще ночью, ясное голубое небо кажется бездонным, и в нем кувыркаются серебристые чайки, которые сердито покрикивают на незваных гостей, осквернивших своим присутствием безмятежную тишину побережья.

На снегу перед крыльцом чернеет кровавый след. Один из полицейских проходит по нему до конца и рукой в перчатке извлекает из снежной могилы длинный кухонный нож. Чуть дальше зияют распахнутые ворота гаража. Полицейский заходит внутрь и, присев на корточки, разглядывает глубокие порезы на спущенных передних колесах.

Среди стоящих вкось и вкривь полицейских машин выделяется фургон «Скорой помощи». Позади его высокого кузова с работающей мигалкой наверху виден лес, но это уже не та мрачная чащоба, что была здесь раньше. Освободившись от объятий тьмы, деревья утратили свой зловещий вид, да и все остальное с наступлением дня стало другим. Дует свежий ветер. Снежный покров сверкает под лучами солнца, но замерзшая земля под снегом все еще мертва.

Два санитары выпрыгивают из задних дверей «Скорой». В кузове сильно пахнет нашатырем. Меня укладывают на носилки. Тонкий матрас поскрипывает при каждом движении.

— Куда повезете? — спрашивает Уилкоккс.

— В Центральную, на авеню Милосердия, — отвечает один из санитаров. У него длинные светлые волосы, стяну-

тые резинкой в конский хвост. Выглядит он совсем юным. Даже странно, как такому молодому парню можно доверять чужие жизни.

Двери захлопываются, «Скорая» отъезжает, и только одно слово остается висеть в воздухе, словно едкий дымок от зажженной спички. Единственное слово, которое кажется здесь абсолютно неуместным.

Это слово — «милосердие».

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Не нужно комнат привиденью,
Не нужно дома;
В твоей душе все коридоры
Ему знакомы.

*Эмили Дикинсон,
«Не нужно комнат привиденью»¹*

¹ Перевод Я. Бергера.

//////////

— 1 —

ЭЛЛИ

Проклятье, как скользко-то!.. Только грохнуться не хватало!..

Стараясь дышать как можно ровнее, я делаю несколько шагов. Под ногами — сплошной лед, и каждый новый шаг подвергает серьезному испытанию мою способность передвигаться в вертикальном положении. В руке у меня большая дорожная сумка для уик-энда, на плече — сумка поменьше, но такая же тяжелая, и я с трудом удерживаю равновесие. Я старалась брать с собой только самое необходимое, и все же вещей получилось много. Все-таки мы едем на три дня. Впрочем, сначала нужно выбраться из города.

До машины остается всего ярд или меньше. Казалось бы, достаточно одного шага, и тут моя нога все-таки едет в сторону. К счастью, Стивен успевает подхватить меня под локоть и не дает растянуться на льду. Я благодарно улыбаюсь. Пару дней назад я все-таки грохнулась, и у меня до сих пор болит бедро. Благо Стивен этого не видел. Я спешила домой, выскочила из метро, но, поскользнувшись на последней ступеньке, во весь рост растянулась на грязном снегу. Моя сумочка открылась, ее содержимое раскатилось во все стороны, и я довольно долго собирала свое имущество, ползая на четвереньках под ногами прохожих, которые держались на ногах лучше, чем я.

— Держись! Ведь ты не хочешь, чтобы наше путешествие закончилось еще не начавшись, — смеется Стивен, одаряя меня одной из своих очаровательных улыбок.

Продолжая опираться на его руку, я с опаской выпрямляюсь. Убедившись, что я крепко стою на ногах, Стивен берет у меня дорожную сумку и кладет в багажник «Лексуса». Несмотря на то что на нем обычные офисные туфли, он ухитрился ни разу не поскользнуться.

— Извини, — невпопад говорю я, чувствуя, как наливаются краской щеки, и поспешно прячусь в салон. Хватит с меня унижений.

На сиденье я падаю словно шерстяной куль. Погода стоит холодная, и на мне много чего наверхено: свитер, куртка, перчатки, длинный вязаный шарф темно-синего цвета и легкомысленная шапочка без полей. Стивен тем временем делает легкое движение плечами, и теплая куртка каким-то чудом оказывается у него в руках. Аккуратно сложив ее в длину, Стивен укладывает куртку на заднее сиденье, а я все еще ерзаю на пассажирском сиденье, пытаясь освободиться от лишних одежек.

Я окончательно запутываюсь в рукавах куртки, когда воздух перед моим лицом начинает слегка вибрировать. Следом раздается низкое гудение телефона, укрепленного на приборной панели и включенного на вибрацию. Прежде чем я успеваю бросить взгляд на экран, телефон оказывается у него в руках. Стивен улыбается, читая сообщение, и тут же хмурится.

— Что-нибудь случилось? — спрашиваю я, но он не отвечает. Все его внимание поглощено телефоном. — Все в порядке? — повторяю я громче.

— Да, конечно. Извини. Это по работе.

Но выражение его лица мне не нравится.

— Тебе придется вернуться?

Одно его слово — и все погребло. Так уже бывало раньше. Всего пару недель назад он получил эсэмэску за ка-

ких-нибудь два часа до нашего свидания, и долгожданный ужин в «Ящерице» накрылся медным тазом. Сама мысль о том, что наша юбилейная поездка тоже может сорваться подобным образом, просачивается мне в мозг, и я вздрагиваю. Сражаясь с приступом бессильной паники, я одновременно пытаюсь застегнуть ремень безопасности, который тоже не поддается. Чем сильнее я дергаю, тем крепче он застревает в креплениях. Твою мать!.. Только этого мне не хватало. Да еще Стивен, как назло, не делает ни малейшей попытки мне помочь. Хуже того, по его лицу я никак не могу угадать, какое решение он примет.

— Что бы ни понадобилось моим коллегам, на этот раз им придется обойтись без меня, — говорит он наконец. — На ближайшие три дня я твой. Со всеми потрохами, — добавляет Стивен, поймав мой взгляд, и я... я ему верю.

С облегчением откинувшись на спинку сиденья, я легко вытягиваю ремень на нужную длину и застегиваю пряжку. Теперь я полностью готова к нашему первому городному уик-энду вдвоем.

Решив для себя все служебные вопросы, Стивен вставляет телефон обратно в держатель рядом с рукояткой ручного тормоза. Экран гаснет, подмигнув мне напоследок, и я вдруг вспоминаю, что так и не перезвонила Коннору. Пока я собирала вещи, его имя появилось на экране моего телефона, и я молча пообещала себе перезвонить ему, как только закончу, но бесконечные перемещения между спальней и ванной отвлекли меня, и я обо всем забыла.

А теперь уже слишком поздно.

«Лексус» бесшумно отъезжает от тротуара — только шины хрустят по песку, которым посыпана обледенелая мостовая. Пока мы пытались втиснуться в поток ползущих по улице машин, глаза Стивена метнулись к зеркаль-